

Глава III

"ВО СЛОВЕСНОЙ ПРЕМУДРОСТИ РИТОР"

"Яко бы неистовых баб басни"

Дипломатическая перебранка

"Ох мне скверному"

Коса на камень

Апология деспотизма

"ЯКО БЫ НЕИСТОВЫХ БАБ БАСНИ"

Портрет царя не будет полным, если не остановиться на одной важной грани его личности - литературной деятельности и общественно-политических воззрениях. Среди оценок современников есть и такая: *"...во словесной премудрости ритор, естествословен и смышлением быстроумен"*. Иван Грозный был, несомненно, одним из самых талантливых литераторов средневековой России, быть может, самым талантливым в XVI веке.

И вновь я слышу протесты читателей: "Опять вы за свое: оправдываете, возвеличиваете кровавого тирана". Нет, не оправдываю и тем более не возвеличиваю. Просто распространенным заблуждением стало считать, что называть человека талантливым - не констатация факта, а похвала ему, в том числе и его моральным качествам. Словно негодяй или преступник не может быть талантливым. Ведь человек - не черно-белая гравюра с резкими переходами от света к тени, а скорее - живопись с множеством оттенков разных цветов. Стилистические достоинства литературного произведения, увы, не влекут за собой автоматически моральные достоинства его автора.

В литературе царь Иван был прежде всего новатором. Для всякой средневековой письменности, в том числе и для русской, характерен литературный этикет. Это и неудивительно: ведь сословный строй средневековья делал этикетной всю жизнь. Человек одевался и ходил так, как того требовало его положение на общественной лестнице. Даже число лошадей в его упряжке зависело не столько от его материальных возможностей, сколько от чина, места в иерархии. Соответственно и в литературе были строгие правила, в каких выражениях положено писать о враге и о "своих", о битве и о монашеской жизни, где место разговору о

"простых" бытовых подробностях, а где надо выражаться торжественно и велеречиво. В наши дни литературный этикет вырожден в литературный штамп, где "наш" отличается от "чужого" тем, что "наш" - высок и строен, а "их" - долговяз и поджар.

Сегодня нельзя себе представить литературу без разговорного языка, в средние же века разговорный и литературный языки далеко отстояли друг от друга. Живые обороты устной речи можно было встретить иной раз в деловых документах да в записях показаний на суде. Для литературы они считались противопоказанными. Иван Грозный, пожалуй, первым пошел на широкое включение в свои послания разговорного языка и даже просторечия.

Не исключено, что эта особенность связана с тем, что Иван IV, вероятно, не писал свои послания собственноручно, а диктовал их. Писать своей рукой считалось как бы недостойным государя. Так, служилые люди, вплоть до бояр высокого ранга, если были грамотны, сами подписывали те или иные документы, а имя царя на грамоте писал дьяк, царь же лишь прикладывал к ней свою печать. У нас сохранились, например, собственноручные подписи Бориса Годунова того времени, когда он был боярином, но нет ни одного его автографа в бытность царем. Эту особенность интуитивно почувствовал наш великий писатель М.А. Булгаков: в его пьесе "Иван Васильевич" Иван Грозный как раз диктует свое послание дьяку.

Так что автографов Ивана IV в нашем распоряжении нет. Правда, есть гипотеза Д.Н. Альшица, согласно которой царь Иван собственноручно правил текст летописного свода, посвященный событиям начала 50-х годов XVI века. Однако это предположение принято далеко не всеми исследователями. Ученому удалось несомненно доказать, что правка была произведена по приказу царя, отражала его стремления к целенаправленной переделке задним числом исторической действительности, но чья рука держала перо, которое зачеркивало один текст и писало новый - царя или одного из его приближенных, - пока предмет научного спора.

Отсутствие автографов царя Ивана даже породило точку зрения о том, что он не был автором тех произведений, которые считаются принадлежащими ему. Этот взгляд отстаивает американский ученый Э. Кинан, автор ряда работ по истории русской средневековой письменности. Кинан отрицает не только авторство Грозного, но считает стилизацией XVII века и произведения Курбского. Однако гипотеза Кинана (впрочем, сам он считает ее доказанной) встретила обоснованную критику и советских, и зарубежных (в том числе американских) ученых, указавших на существенные пробелы в аргументации этого автора.

Опровержения построений Кинана базируются на тщательных исследованиях по выявлению разных редакций произведений Грозного и Курбского, изучению их соотношения, на сличении текстов Грозного и Курбского с теми, которые, по мнению Кинана, послужили фальсификатору основой для создания вымышленного текста. Но есть и еще один аргумент. Кинан не придал значения стилю произведений Грозного. Между тем мы располагаем такими его посланиями, которые дошли до нас не в составе рукописных сборников XVII века, а в официальных документах XVI века - послания английской королеве Елизавете I, шведскому королю Юхану III, опричнику Василию Грязному. В них явно ощущается стилистическое единство с остальными произведениями грозного царя. Таким образом, авторство Ивана Грозного сегодня уже сомнений не вызывает.

Первое, что обращает на себя внимание при чтении произведений царя Ивана - это его широкая (разумеется, на средневековом уровне) эрудиция. Для доказательства своих положений он совершенно свободно оперирует примерами не только из истории древней Иудеи, изложенной в Библии, но и из истории Византии. Все эти многочисленные сведения у него как бы естественно выплескиваются. Он прекрасно знает не только Ветхий и Новый Завет, но и жития святых, труды "отцов церкви" - византийских богословов. Болгарский ученый И. Дуйчев установил, что Грозный свободно ориентировался в истории и литературе Византии.

Поражает память царя. Он явно наизусть цитирует в обширных выдержках Священное писание. Это видно из того, что библейские цитаты даны близко к тексту, но с разночтениями, характерными для человека, воспроизводящего текст по памяти. Цитаты эти так обширны, что Курбский даже иронизировал над тем, что царь цитирует не, как принято, отдельными строками и стихами, а *"зело паче меры преизлишно и звягливо, целыми книгами, паремьями* (обширными отрывками. - В. К.), *целыми посланьми"*. Впрочем, и сам Курбский признавал, что знает царя как человека, *"священнаго писания искуснаго"*.

Думается, сочетание больших природных способностей, интеллектуальной и литературной одаренности с властолюбием способствовали развитию в царе Иване некоего "комплекса полноценности", превосходства над жалкими "людишками", не знающими того, что ведомо царю, не умеющими так выражать свои мысли, как умеет царь. Не только отсюда, но, возможно, и отсюда проистекало глубокое презрение царя к людям, стремление унижить их достоинство.

Умение царя взорвать литературный этикет средневековой письменности ярко проявилось в его переписке с Курбским. Курбский был, несомненно, очень талантлив, но оставался целиком в рамках литературной традиции. Он в совершенстве владел стилем средневековой риторики, подчас

даже переходя к своеобразной ритмической (или, быть может, слегка тронутой ритмом) прозе. Вот, например, отрывок из его первого послания царю Ивану (чтобы подчеркнуть ритм, я позволил себе чисто условно разбить его на строки)

*Почто, царю,
силных во Израили побил еси
и воевод, от бога данных ти
на враги твоя,
различными смертями расторгл еси
и победоносную святую кровь их
во церквах божиих пролиал еси
и на доброхотных твоих
и душу за тя полагающих
неслыханные от века муки и смерти
и гоненья умыслил еси,
изменами и чародействы и иными неподобными
облыгая православных
и тщася со усердием
свет во тьму прелагати
и сладкое горько прозывати?
Что провинили пред тобою
и чем прогневали тя
критьянскии предстатели?*

Царь Иван тоже владел стилем средневекового "плетения словес". Не менее четкий, чем у Курбского, ритм слышен в таких строках царского посланиях

*Ты же, тела ради,
душу погубил еси,
и славы ради мимотекущие,
нетленную славу презрел еси,
и на человека возъярився,
на бога возстал еси.*

Торжественно звучит будто выкованная из металла речь царя:

"Не дожидаяцца грады Германские бранного бою, но явлением животворящего креста поклоняют главы своя".

И сразу вслед за этим пассажем, писанным самым высоким стилем, словно видишь усмешку царя Ивана:

"А где по грехом, по случаю, животворящего креста явления не было, тут и бой был. Много отпущено всяких людей: спрося их, уведай".

В другом случае длинное рассуждение со ссылками на учение фарисеев, с цитатой из апостольских посланий внезапно заканчивается грубой и разговорной фразой:

"Что же, собака, и пишешь и боледуешь, совершив такую злобу? Чему убо совет твой подобен, паче кала смердяй?"

Грубость выражений царя Ивана исключительна, но она стилистически оправдана, ибо разрушает этикет. Так, царь Иван нарочито снижает высокую патетику Курбского.

"Уже не узриши, мню, лица моего до дни Страшного суда", - пишет царю Курбский.

"Кто бо убо и желает такового ефиопскаго лица видети?" - отвечает Иван IV.

Характерно в этом плане второе послание Грозного Курбскому, то, где шла речь о *"градах Германских"*. Послание это было написано (или, вернее, продиктовано) в особо приятной для царя Ивана обстановке. В 1577 году русские войска, которыми на этот раз командовал сам государь, взяли в Ливонии город Вольмар, тот самый, из которого отправил свое первое послание Курбский. Да не просто отправил, а с вызовом подчеркнул:

"Писано в Вольмере, граде государя моего Августа Жигимонта короля, от него же надеюся много пожалован быти и утешен от всех скорбей моих".

Крепко засели в памяти царя Ивана эти *"злокусательные"* слова и всплыли наружу через 13 лет, когда он въехал в Вольмар победителем.

В том давнем послании Курбского было еще одно место, видимо, задевшее Грозного, хотя и несколько иначе. Говоря о своих военных заслугах, Курбский писал, что редко бывал дома,

"но всегда в дальноконных градах твоих против врагов твоих ополчяхся".

Эпитет *"дальноконный"*, то есть такой, до которого и на коне добираться долго, - изобретение Курбского. Это яркое и образное словцо, должно быть, уязвило уже писательское самолюбие Грозного. Он и к нему вернулся через 13 лет, когда во взятом только что Вольмаре диктовал саркастическое послание своему врагу. Вспомнив в 1577 году о дальноконных градах, царь продолжил:

"...ныне мы з божиею волею своею сединою и дали твоих дальноконных градов прошли".

Но мотив коней продолжает развиваться: *"...коней наших ногами переехали все ваши дороги"*, нельзя сказать, что *"не везде коня нашего ноги были"*... И наконец, заключительный удар:

*"И где еси хотел упокоен быти от всех твоих трудов, в Волмере, и тут на покой твой бог нас принес, и где, чаял, ушел - а мы тут, з божиею волею сугнали, и ты тогда **дальноконнее** (выделено мной. - **В. К.**) поехал".*

В свои послания Иван IV свободно включал не только сдобренные ссылками на Библию и исторические примеры рассуждения, но и простые, написанные живым языком зарисовки. Тут и описание одного из боярских мятежей:

"...а митрополита затеснили и манатью на нем с источники изодрали, а бояр в хребет толкали";

тут и неожиданно возникающая после сентиментально-торжественных слов о "юнице" (царице Анастасии), которую у него якобы "отняли", придворная сплетня о каком-то любовном приключении Курбского:

*"А буде молвиш, что я о том не терпел и чистоты не сохранил (речь идет о новых браках царя. - **В. К.**) - ино вси есмы человецы. Ты чего для понял стрелецкую жену?"*

Этот последний намек уязвил Курбского. В ответном послании он писал, что то, что пишет царь, *"припоминаючи... стрелецких жен"* - это *"смеху достойно и пияных баб басни"* (один из редких случаев, когда Курбский прибег к просторечию!).

Курбский, видимо, знал, что царь гордится своим стилем, знал, как ударить побольнее. А потому именно в эту точку часто направлял свои уколы. Отвечая на первое послание Грозного, он назвал его *"широковещательным и многошумящим"*, негодовал на смешение в нем цитат из Священного писания с бытовыми припоминаниями:

"Туто же о постелях, о телогреях и иные бецисленные, воистину, яко бы неистовых баб басни",

а затем приходил к выводу, что так *"варварско"* написанное послание вызывает удивление и смех не только у *"ученых и искусных мужей"*, но и у детей; добавлял, что негоже так писать *"в чюждую землю"*, где кое-кто разбирается *"не токмо в грамматических и риторских, но и в диалектических и философских учениях"*.

Но эти упреки Курбского относятся не к слабым, а к сильным сторонам стиля Грозного. Курбский выступает здесь в роли традиционалиста, слишком хорошо знающего, как должно, как положено писать. Именно литературное новаторство царя вызывает раздражение у его оппонента.